

Содержание

Введение	5
I. Русские сочинения в шведских переводах	
XVIII — первой половины XIX в.	7
1. «Рукописание Магнуша» в шведском переводе	
П. Шёнстрёма.....	7
2. Аллегии Ф. Глинки в шведских переводах	
К. С. Форсмана.....	15
II. Образ Екатерины II в шведской литературе XVIII в.	23
1. “Petro Primo Catharina secunda”: взгляд из густавианской Швеции	23
2. Шведский король Густав III о российской императрице Екатерине II: порочная Семирамида или добродетельная Изабелла	30
3. Древнерусские прототипы императрицы Екатерины II в шведской поэзии второй половины XVIII в.....	34
4. Русский розенкрейцер барон Шредер: шведские фантазии и русская реальность	38
III. Русско-шведские литературные параллели	
в XVII — начале XIX в.....	47
1. Новелла Боккаччо в русской и шведской версиях XVII в.....	47
2. Панегирики старых солдат молодым монархам в русской и шведской литературах второй половины XVIII — начала XIX в.	52
3. Драгуны и мушкетеры в русском и шведском переводах сказки «Синяя Борода».....	61
4. Французская поэзия в русских и шведских переводах XVIII в.	64
5. «Баснь о Пираме и Фисве» в русской и шведской литературах XVII–XVIII вв.....	75
6. Сорока, говорящая на иврите, и монах-иудей: об одном противоречии в русском переводе «Истории семи мудрецов»	82
IV. Северная война в русской и шведской литературах первой четверти XVIII века	94

1. Способы изображения вражеской мощи в русских и шведских панегириках эпохи Северной войны	94
2. «Книга Марсова» и шведские реляции 1700–1705 гг.....	101
V. Разговор в царстве мертвых Карла XII Шведского и Фридриха IV Голштинского Д. Фассмана в русском переводе.....	115
Список литературы и источников	159
Об авторе.....	169

Введение

Предлагаемая книга является продолжением монографий «Русско-шведские литературные связи в XVIII веке» и «Война и культура: русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны» и существенно их дополняет: привлекается материал средневековой русской литературы и русской литературы начала XIX в., рассматриваются не изучавшиеся специально примеры русско-шведских литературных отношений, исследуются малоизвестные шведские и русские сочинения, посвященные монархам «соседственной» страны. При этом, как и в указанных монографиях, в центре внимания остаются русско-шведские литературные контакты в XVIII веке, от петровского времени до екатерининского, от каролинской эпохи до густавианской.

Большинство разделов этой очень небольшой книги посвящено переводам XVII — начала XIX в. — с русского на шведский, с немецкого, французского и польского на шведский и русский. В перечне отсутствуют переводы со шведского на русский, поиск таких произведений не входил в число поставленных перед исследованием задач, и этим предлагаемая книга отличается от предшествующей монографии. Точно так же в монографии не представлены русские сочинения, содержащие рассуждения о достоинствах и недостатках шведских королей. Отзывам же шведских авторов о Екатерине II посвящен специальный раздел.

Может создаться впечатление, что анализируемые русские и шведские сочинения собраны случайно и между собой связаны чрезвычайно мало: перевод древнерусского памятника соседствует с переводом аллегии Ф. Глинки, а панегирики начинающим править русским и шведским монархам с переложениями стихотворений французских поэтов или военными реляциями эпохи Северной войны. Между тем книга сборником статей не является, выбранный для нее материал легко упорядочивается и распределяется по трем разделам.

В первом из них (гл. 1 и 2) рассматриваются переводы на шведский язык некоторых созданных не в XVIII веке произведений русской литературы, а также оригинальные шведские сочинения второй половины XVIII века, посвященные современным

российским монархам или происходящим в России событиям. В нем исследуются преимущественно тексты на шведском языке. Во втором разделе (гл. 3 и 4) сопоставляются шведские и русские сочинения, тематически близкие или принадлежащие к одному жанру, являющиеся переложениями или переработками общего источника, и в процессе сопоставления выявляются и объясняются незначительные, незаметные без специального сравнения, но подчас принципиальные отличия, позволяющие обнаружить специфику и шведской, и русской литератур XVIII столетия. Третий раздел посвящен описанию рукописного сборника, составленного из работ, переведённых с немецкого, изданных в 1719–1720-х гг. и повествующих о жизни и войнах Карла XII и о принадлежащей ему Швеции.

И все-таки приходится признать, что в книге рассмотрены лишь отдельные аспекты русско-шведских литературных связей в XVIII веке, направление исследования некоторых тем только обозначено, и, что очевидно, материал для дальнейшего изучения русско-шведских литературных контактов в XVIII веке отнюдь не исчерпан.

I. Русские сочинения в шведских переводах XVIII — первой половины XIX в.

Количество сочинений русских авторов, переведенных и изданных в Швеции в XVIII — начале XIX в., невелико. К их числу относятся «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, «Сказка о царевиче Февее» Екатерины II, повести Н. М. Карамзина или речь А. Б. Куракина, произнесенная им во время церемонии принятия его в члены королевской Академии наук. К разряду шведских переводов русских текстов принадлежит и автоперевод стихотворного панегирика, посвященного бракосочетанию сестры Карла XII Ульрики Элеоноры и ландграфа Гессен-Кассельского Фредрика. Примечательно, что если в шведском переводе его автор Энок Лиллиемарк (1660–1736) использует 3-стопный хорей, то в русском оригинале, написанном в 1715 году, в силлабическую эпоху русского стихотворства, он ориентируется на отечественную традицию и, подобно прочим шведским поэтам, пытается чередовать 4-стопный и 3-стопный ямб¹.

Названными текстами список шведских переложений XVIII — начала XIX в. не ограничивается и может быть дополнен переводами древнерусского «Рукописания Магнуша» и в шведском издании оказавшейся в неожиданном контексте аллегории Глинки.

1. «Рукописание Магнуша» в шведском переводе П. Шёнстрёма

«Рукописанием Магнуша» называется созданное в 1411–1413 гг. вымышленное завещание короля шведского (1319–1363) и норвежского (1319–1355) Магнуса Эрикссона (1316–1374), шведа по отцу и норвежца по матери². Об этом

---

¹ Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ, 2006. С. 6, 7. Например, “Nu Sverige suing Victoria, / War gladh i Herганом, / Öfwer dhen stoora Gloria / Tin Konung öfwerkom...” в изданном в 1677 году и посвященном победе над датчанами стихотворении “Then Loflige Swenske Nations Frögd i Gudhi” (S. 20).

² Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003. 174 с.

короле известно, что сыновей Эрика и Хакона он в 1343 г. объявил преемниками шведской и норвежской короны соответственно. Передав в 1355 году управление Норвегией совершеннолетнему Хакону, Магнус вызвал недовольство шведских вельмож, склонивших на свою сторону Эрика. Восставшего принца поддержал герцог Мекленбургский, и в 1357 году Эрик был объявлен королем Швеции. После его смерти в 1359 году Дания и Мекленбург объединились против Магнуса, в 1364 г. Альбрехт Мекленбургский стал королем Швеции, в 1365 году Магнус попал в плен и был выкуплен Хаконом только через 6 лет, в 1371 г. До 1374 г., до смерти Магнуса, отец и сын оставались соправителями Норвегии. В 1348 г., еще в бытность королем, Магнус, напав на Русь, потерпел сокрушительное поражение, и это обстоятельство послужило поводом для появления русского памятника.

«Рукописание Магнуша» читается в Софийской I и Новгородской IV летописях под 1352 годом, повествует о всех неудачных походах шведов на Русь, в том числе и самого Магнуса, и содержит просьбу от подобных попыток отказаться. Из русского текста следует, что ярл Биргер был разбит Александром Невским, брат Магнуса Маскалка, в реальности братом не являвшийся и Маскалкой в русском тексте названный по ошибке, основал город, впоследствии захваченный великим князем Андреем Александровичем. Через 40 лет «розмирия» между русскими и шведами был заключен вечный мир, который через 30 лет был нарушен взявшим Орехов и тут же его потерявшим Магнусом. Через год король поход повторил, но испугался приближающихся новгородцев и бежал. Поднявшаяся буря потопила большую часть кораблей с находящимся на них войском. После того, как Бог наказал короля за вероломство, на Швецию обрушились все возможные несчастья — потоп, эпидемии, голод и междуусобицы, сам же Магнус лишился рассудка и сидел год в некой палате, прикованный к стене. Его сын Хакон забрал отца в Норвегию, но буря потопила все корабли, и Магнус три дня плавал, уцепившись за доску (или к ней пригвоздившись). По Божьему соизволению его принесло под монастырь святого Спаса в Полную реку, где он и стал монахом Григорием.

В Швеции с вымышленным рукописанием не слишком любимого короля (в последней части откровений святой Бригитты говорится о потере им Сконе и губительном отказе

следовать указаниям Христа во время крестового похода³, а в «Истории готов и шведов» последнего католического шведского архиепископа Иоанна Магнуса отмечается, что из-за злобы и беспомощности Магнуса датчане оккупировали шведские земли) познакомились значительно позднее времени его создания. В 1741 г. это русское сочинение описал, пересказал, прокомментировал и представил дословный перевод двойной кузен Эммануэля Сведенборга Петер Шёнстрём (1682–1746)⁴. Об авторе перевода древнерусского памятника известно, что он был офицером Карла XII и участником русского похода шведской армии, после пленения под Полтавой с августа 1711 до заключения мира в 1721 г. находился в Соликамске и в мае 1722 года вернулся в Стокгольм. В ссылке Шёнстрём помогал Филиппу Иоганну Страленбергу в составлении карты Сибири⁵, писал о горном деле в России, занимался этнографией и историей. В Швецию Шёнстрём привез копию «родословной книги», которую в том же 1722 году передал в библиотеку Упсалы⁶, ему же принадлежит сочинение, призванное расширить представление шведского читателя об отечественной истории и содержащее ставший доступным автору русский материал, в том числе и перевод «Рукописание Магнуша». Датированная 1741 г., рукопись “En kort Anledning till Svenska Historiens förbättrande” была издана лишь в 1816 г.⁷

В своей работе кроме «Рукописания Магнуша» Шёнстрём пересказывает неназванные им русские летописи, в том числе «Повесть временных лет», содержание которой стало ему известным, по всей видимости, из “Sammlung russischer

---

³ Scheglov A. Från “Mäster Adam” till “Mäster Olof”: Studier i svensk ideologi och historieskrivning fram till 1500-talet. M.: Krasand, 2013. S. 50. Здесь же (с. 49–76) дается обстоятельный обзор средневековых шведских источников, содержащих отзывы о короле Магнусе Эрикссоне.

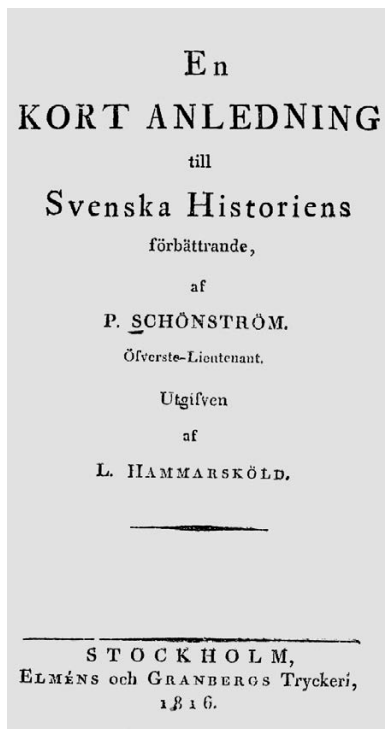
⁴ Lundholm M. “Besitter en gammal tienare Isack Bem sitt hemman Sundh i Löfstad sochen frijtt ...”: Ståthållaren Isak Behm och hans släktkrets”. Svensk Genealogisk Tidskrift (2014:2). S. 69–73.

⁵ Sjebaldina G. Karolinska krigsfångar i Sibirien: Utgiven av Svenskt Militärhistoriskt Biblioteks Förlag, 2010. S. 151.

⁶ Давидссон К. О двух шведских списках родословной книги. ТОДРЛ. Л.: Наука. 1971. Т. 26. С. 357–363.

⁷ Schönström P. En kort Anledning till Svenska Historiens förbättrande, af P. Schönström. Öfverste-Lieutenant. Stockholm, Elméns och Granbergs Tryckeri, 1816. 194 s.

Geschichte" Г. Ф. Миллера (в обоих случаях автором русской летописи назван Феодосий Печерский). Интересующий же нас памятник несколько раз полемически упоминается (в издании 1816 г. на страницах 106, 111, 114, 115) и текстом его перевода шведская книга, вопреки намерениям автора, заканчивается (в том же издании на страницах 123–126).

Рассказывая о древнейших временах, Шёнстрём отмечает, что после ордынского нашествия «Суздальские или Московитские и Рязанские князья» стали татарскими вассалами, а отец Александра — «татарским военачальником», который на войне вел себя как татарин, то есть брал все то, что можно взять, не считаясь с законами. Александр Ярославич беспокоил соседей больше, чем отец, получил имя «Марса Московитов» и также являлся «татарским полководцем». По сведениям Шёнстрёма, если в шведских источниках рассказывается о походе ярла

Биргера в Финляндию, то русских интересуют совсем другие события, и далее шведский автор пересказывает русские памятники, содержащие описания успехов Александра, в том числе «вымышленное писание, которое они называют завещанием короля Магнуса Эрикссона». В этом фрагменте Шёнстрём использует часть рукописания, посвященную эпохе Александра и Андрея Александровича. Рассуждая о длительном русско-шведском мире, шведский автор полемизирует с русским рукописанием и, опираясь на “*Scondia illustrata*” Ю. Мессениуса, перечисляет русские опустошительные походы, осуществленные в это, по мнению русского книжника, спокойное время (с. 112, 115). Примечательно, что, обещая познакомить читателя с позицией русских и указывая на некие русские истории, Шёнстрём называет лишь «Рукописание Магнуша». Перевод же русского памятника шведский автор сопровождает коротким комментарием: указывает, что Магнус — это Магнус Смик (Ласковый), его сын Хакон — правитель Мурманской земли, то есть Норвегии, и добавляет, что «насколько в прочем автор вызывает доверие, остается неизвестным»⁸.

Отдельный вопрос — какой именно русский текст Шёнстрём использовал в качестве источника. В «Собрании российской истории» Миллера этот памятник отсутствует, немецкий рукописный перевод, опубликованный А. Накадзавой, отличается от шведского принципиально и его источником явно не является. Ближе всего к шведскому переводу оказывается вариант «Рукописания Магнуша», помещенный в Степенной книге (второй редакции). Так, в шведской версии значится, что сошедший с ума Магнус был «закован в железные цепи и закрыт в палате», в Степенной книге — «прикован чепию железною и заделан есмь был в полате», в других русских списках отмечается, что Магнус был не просто закован, но прикован к стене. Если в книге Шёнстрёма сказано, что на море «поднялся такой шторм, что волны были как валы, и парусов не видно и нельзя управлять», то в Степенной книге — «воста буря велия, яко в валех и парусов не знати»; в других же русских списках

---

⁸ Schönström P. En kort Anledning till Svenska Historiens förbättrande, af P. Schönström. Öfverste-Lieutenant. Stockholm, Elméns och Granbergs Tryckeri, 1816. 194 s. S. 126.

про бурю говорится после упоминания парусов и валов: «побегл за море, ино в валу парусов не знати; и вѣста буря силна». Правда, сказать, читал ли шведский автор Степенную книгу или слышал пересказ, не представляется возможным.

Вместе с тем, в шведском и русском текстах обнаруживаются разночтения, объяснить которые можно лишь желанием шведского переводчика прояснить непонятные детали. Так, в русских версиях сказано, что Маскалка — основатель Ландскроны Торгильтс Кнутсон «посадники своя посади с множеством немец, а сам поиде за море», в шведском переводе — что он «сам пошел назад через море»; в русских версиях — процитированное «воста буря велия, яко в валех и парусов не знати», в шведском переводе — «волны были как валы, и парусов не видно и нельзя управлять»; в русских версиях — «и прииде ко мне весть, что новгородцы на крае замли», в шведском переводе — «принесли мне известие, что новгородцы стоят на краю земли или на границе».

Через 9 лет после появления книги Шёнстрёма к «Рукописанию Магнуша» обратился знаменитый шведский историк, издатель, драматург и одописец — «шведский Малерб» Улоф Далин (1708–1763). В изданной в 1750 г. второй части Истории Шведского государства он рассказывает о Магнусе Эрикссоне и, ссылаясь на Шёнстрёма, пересказывает русский памятник⁹. Далин свой источник указывает сам, и в его ссылках он единственный. Рукописание он называет «выдуманной глупой исповедью», а ее автором, в отличие от Шёнстрёма, этот вопрос обошедшего, объявляет «какого-то бедного греческого монаха». Почему автор монах, почему он бедный и почему он греческий, Далин не объясняет (вероятно, называя древнерусского книжника греческим монахом, Далин имел в виду не национальность, а принадлежность к определенной христианской конфессии). Река же, в которую ветер якобы принес короля после последнего шторма, в русской версии называется Полной, в переводе Шёнстрёма — Polmaströmen, Далин же реку называет Polna=strömen и в скобках уточняет, что здесь имеется в виду река Блум-фьэлен (Blom=Fiälen) в Норвегии. Объяснить это

---

⁹ *O. von Dalin. Svea Rikes Historia, ifrån dess begynnelse til våra tider, Efter Hans Kongl. Maj:ts nådiga behag På Riksens Höglofliga Ständers åstundan författad af Olof Dalin. Andre Delen. Stockholm: Trykt hos Lars Salvius, 1750. S. 493–494.*

уточнение не сложно: в конце истории Магнуса Далин говорит, что выкупленный из плена, своей свободой король наслаждался не долго — в скором времени его корабль утонул в реке Блумфьэрден (Blomfjärden), и Магнус погиб. По всей видимости, для Далина русский текст, названный им глупой подделкой, напрямую соотносится с известными шведам реальными фактами и событиями. Как и русский автор, Далин утверждает, что Магнус тонул в реке, и уточняет, что речь идет о норвежской реке, в которой король погиб, а не спасся и после постригся.

Отмечу попутно, что для шведов гибель Магнуса в реке — факт общеизвестный и сомнений не вызывающий: в пьесе Юхана Мессениуса “Blanckamäreta” (Стокгольм, 1614) святая Брита (Бригитта) говорит об убийстве королем Магнусом сына, его долгом пребывания в плену и гибели в реке в Норвегии (“Tu han drunknade i en flodh”)¹⁰. В «Первой части Старой рифмованной хроники» (Стокгольм, 1616), переведенной и изданной тем же Мессениусом, отмечается, что король утонул в Бумисфьорде (“drunknade i Bomisfiord”)¹¹. В книге упомянутого Иоанна Магнуса «История готов и свеев» говорится, что Магнус «провел там (в Норвегии — *МЛ*) остаток своей несчастливой жизни, пока он не встретил еще более несчастливую судьбу и не утонул в водах Бульмфьордена» (в шведском переводе 1620 г. — “Där tillbringade han den återstående tiden av sitt olyckliga liv, tills han mötte ett ännu olyckligare öde och drunknade i Bolmfjordens vatten”¹²).

---

¹⁰ *Messenius J.* Blanckamäreta. Thet är En Sanfärdigh TRAGOEDIA Om the gruffuelighe Mordh, som Konungh Byrger, af Drotning Märetes tilskyndan på sine Brödher: och Konungh Magnus Smeeck på sin Son, genom Drotningh Blanckes råd och dådh, i Swerige fordom bedreffuo. Stockholm: Tryckt i Stocholm af Chr. Reusner, 1614. S. 66.

¹¹ *Then Gamble Rijn Krönikes Första Deel.* I hwilken Swenske Konungars bedreffter / ifrån åhr MCCXXII. och till MCDXXXIX. beskriffues: Rättsinnigom Swenskom til behag / aff Johanne Messenio troligan öffuerseed / och nu först / medh K. M. Frijheet / aff Chr. Reusners tryck publicerat. Stockholm, 1616. S. 152 (Svenska medeltidens rimkrönikor. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, kongl. boktryckare, 1865. D. 1. S. 171–187).

¹² *Johannes Magnus.* Goternas och svearnas historia. I översättning av Kurt Johannesson. Med kommentarer av Kurt Johannesson och Hans Helander. Utgiven av Michaelisgillet och Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 2018. S. 576.

На русский язык книга Далина была переведена Р. М. Цебриковым (1763–1817), и в русском переводе пересказ «Рукописания Магнуша» напечатан без изменений. В версии Цебрикова он выглядит следующим образом: «Магнус в сем сочинении говорит, будто бы при крещении был назван Григорием, будто бы воевода Белгер (ярл Биргер) был побежден при реке Неве Александром Ярославичем (Невским), будто бы брат его Марскалка (Торкель Канутзон) построил город и в нем оставил начальника со многими Немцами, коих Андрей Александрович при завоевании сего города убил, что потом чрез 40 лет продолжался мир и новая граница с Георгием Даниловичем поставлена была, но он (Магнус) по истечении 30 лет нарушил мир, от чего был несчастлив и весьма в том раскаивался. В продолжении безумнаго сего исповедания грехов присовокупляет он еще, что претерпел кораблекрушение, когда назад бежал со флотом чрез море, что все несчастия, как наказание за грехи, обрушились на Швецию по причине Российской войны, что он сам лишился своего ума и целый год лежал скован в цепях, пока сын его Сокун (Гокан) из Мармаскаландии (Норвегии) не освободил его от оных. Потом претерпел он великое несчастие от воды и был пригвожден к палубе три дня и три ночи, пока по Божиему повелению не занесен в реку Польну (Блом-Фиелен в Норвегии) под монастырь Спасителя нашего, где черноризцы (монахи) постригли его в иноки, и пока Бог опять его в три дня не оживотворил. Господь наказал его всем тем несчастием для того, что после крестнаго целования напал на Россиян, от чего прозьбами и угрозами предостерегает и увещевает своих потомков. Смотри короля Магнуса объявление на смертном одре, помещенное у Шенстрема во введении в историю Шведскую рукописную»¹³.

В России XVIII в. «Рукописание Магнуша» было известно и неоднократно издавалось¹⁴, перевод же шведского пересказа оказывается одним из способов ознакомления отечественного читателя с этим древнерусским памятником. Примечательно, что другие шведские переводы русских сочинений XVII–XVIII вв.

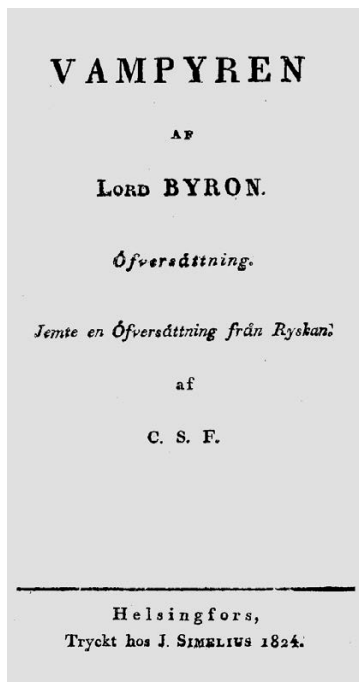
---

¹³ [Далин У.] Олофа Далина История Шведскаго государства / Перевод с немецкаго языка.; По высочайшему повелению. СПб.: Печатано в Императорской типографии, 1805. Кн. 1. Ч. 2. С. 615, 616.

¹⁴ Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. С. 11–13.

(«Росписи Китайскому государству» Ив. Петлина или «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича) издавались отдельно, частью большого текста не являлись и по этой причине со шведского на русский обратно не переводились.

2. Аллегии Ф. Глинки в шведских переводах К. С. Форсмана¹⁵

В 1824 году в Гельсингфорсе вышла книга, состоящая из двух переведенных на шведский язык и, кажется, имеющих мало общего, сочинений: страшной новеллы «Вампир» — переработанного Дж. Полидори устного рассказа Дж. Байрона — и нравоучительной аллегии Ф. Н. Глинки «Загадка». Переводчиком, скрывающимся под инициалами С. С. Ф., является

---

¹⁵ Первая публикация: Люстров М. Ю. Аллегии Ф. Глинки в шведских переводах К. С. Форсмана (из истории русско-финских литературных связей) // Вестник славянских культур. Т. 52, июнь 2019. С. 143–150.

русский чиновник, уроженец Койвисто — Карл Самюэль Форсман (в русском варианте — Карл Аврамов сын Форсман, 1795–1852)¹⁶.

О Форсмане известно, что 24 августа 1814 года он был «по окончании учебного курса в Боргоской гимназии и в Абоском университете определен в переводчики бывшего в Петербурге комитета для приготовления неоконченных дел, до жителей Выборгской губернии касавшихся». По завершении «курса в правоведении» в Абоском университете 20 июня 1817 г. Форсман был назначен аускультантом в Абоский гофгерихт, 15 июля стал сверхштатным копиистом в хозяйственном департаменте Императорского Финляндского Сената, 26 августа переведен в губернские секретари, в декабре 1818 г служил сверхштатным нотариусом того же Абоского гофгерихта, 13 июля 1819 г стал экспедитором финляндской почтовой дирекции, 19 августа 1822 года «определен в переводчики русского языка» в императорский Финляндский сенат. Наконец 13 апреля 1831 г. Форсман, уже кавалер ордена св. Анны 3 степени, «высочайше определен начальником экспедиции генерал-губернаторской экспедиции». Судя по послужному списку, он был чиновником исполнительным и дисциплинированным, «услуги по службе оказывал» и «по предметам службы» под судом не бывал¹⁷.

О литературно-переводческой деятельности Форсмана известно, что в 1821 г. он сотрудничал с издававшимся финским писателем и журналистом А. И. Арвидсоном «Абоским утренним листком» (*Åbo Morgonblad*). В 1824 г., по свидетельству того же Арвидсона (в 1822 г. уволенного из Абоского университета и в 1823 г. перебравшегося в Швецию), Форсман опубликовал в стокгольмском журнале «Листок общества Фрейи» (*Freya Sällskapsblad*) переводы фрагмента «Взгляда на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужева (в № 21 и 22) и «Неведомой» (*Den obekanta*) того же Ф. Глинки (в № 18)¹⁸.

---

¹⁶ [Byron G. G.] *Vampyren af Lord Byron. Öfversättning. Jemte en Öfversättning från ryskan. Af C. S. F. Helsingfors: Tryckt hos J. Simelius, 1824. 52 s.*

¹⁷ Национальный архив Финляндии <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?ku-id=2772607>. Л. 4.

¹⁸ *Werner K. F. Till Svenska literatursällskapet i Finland // Förhandlingar och uppsatser. Helsingfors, 1895. S. 254.*

В книге Рагнара Оллера «Четверть века нашей литературной жизни. 1828–1853. Поэзия» (Гельсингфорс, 1920) в разделе «Русская поэзия» перечисляются русские авторы, так или иначе связанные с литературой Финляндии, и Глинка (поэт или прозаик) среди них отсутствует¹⁹. Форсман же отдает этому писателю предпочтение, останавливается на его аллегориях и издает их переводы в одном и том же — 1824 — году.

Русские издания, в которых опубликованы заинтересовавшие Форсмана тексты Глинки, обнаруживаются без труда: «Неведомая» (как и «Взгляд на старую и новую словесность в России») напечатана в «Полярной звезде» (на 1823 год), «Загадка» (в варианте Форсмана — «Загадка жизни. Аллегория») — в последнем номере «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1822 год (ч. 20, с. 180–187). В этих изданиях были опубликованы еще три аллегии Глинки, но позднее, незадолго до выхода их шведских переводов: в последнем, 24 номере «Соревнователя» за 1823 г. напечатана «Нищета и роскошь (черты из двух картин)», в «Полярной звезде» (на 1824 г.) — «Прохожий» и «Страшная гостья». В 1826 г. эти тексты были помещены в собранный Глинкой «Опыт аллегорий, или Иносказательных описаний, в стихах и в прозе».

Переводами произведений иностранных авторов Форсман занимался и в дальнейшем: в 1852 г. в том же гельсинборгском издательстве, что «Вампир» и «Загадка», вышел выполненный им перевод пьесы «Мария де Падилья» («драма в 5 действиях, испанский оригинал»). К аллегориям же Глинки он обращается лишь в 1822–1823 гг. и, возможно, этот факт связан со служебной карьерой Форсмана — в августе 1822 года он назначен сенатским переводчиком с русского языка. Правда, это обстоятельство могло бы объяснить внимание финского чиновника и переводчика с русского к литературе своего нового отечества в целом, но не увлечение сочинениями Глинки. Возможно, выбор финского автора объясняется его интересом к творчеству Байрона, и по этой причине переводы аллегии «Загадка» и повести «Вампир» оказались напечатанными в одной книге.

---

¹⁹ Öller R. Ett kvarts sekel av vårt litterära liv. 1828–1853. Poesin. Helsingfors: Söderström & C:o, 1920. 410 s.

В Финляндии перевод «Вампира» (хоть и не на финский язык) появился раньше, чем в Швеции и в России. В Швеции перевод новеллы Полидори вышел в 1827 г. в Упсале и, как сообщалось в самом издании, в его основу была положена «немецкая переработка Майснера писания лорда Байрона»²⁰. Первый русский перевод появился в 1828 году, принадлежал П. В. Киреевскому, получил название «Вампир. Повесть, рассказанная лордом Байроном. С приложением отрывка из недоконченного сочинения Байрона» и был сделан с английского оригинала²¹. Каким источником пользовался Форсман, в гельсинборгском издании 1824 года не указывается, но некоторые детали отличают его перевод от прочих вариантов, восходящих к тексту Полидори. Так, необычным выглядит начало предисловия: «В Греции, Венгрии, Польше и некоторых других странах существует общепринятое народное поверье, что люди, которые во время своей жизни совершили какое-то ужасное преступление, обречены на то, чтобы после смерти появиться вновь и, бродя в прежнем своем облике, продлевать существование, высасывая кровь у тех, кого в жизни они любили больше всех...» (“I Grekland, Ungern, Polen och åtskillige andre länder är en folkstro gängse, att menniskor, som under sin lefnad begått något rysligt brott, äro dömda att efter döden åter uppstå, och kringvandrande i sin förra gestalt, förlänga denna sin varelse derigenom att de suga utt blodet på dem de i lifvet mest älskat...”)²². Лондонское издание 1819 г. (и упсальское издание 1827 г.) начинается иначе: «Суеверие, на котором основана эта история, очень распространено на Востоке. Среди арабов оно кажется обычным: однако оно не достигло греков до установления христианства...» (“The superstition upon which this tale is founded is very general in the East. Among the Arabians it appears to be common: it did not, however, extend itself to the Greeks until after the establishment

---

²⁰ [Byron G. G.] *Vampyren af Lord Byron. Öfversättning*. Upsala: Tryckt hos Em. Bruzelius, 1827. 39 s.

²¹ Вацуро В. Э. *Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации // Бездна: «Я» на границе страха и абсурда*. СПб., 1992. АРС: Российский журнал искусств. Тематический выпуск. С. 45–46.

²² [Byron G. G.] *Vampyren af Lord Byron. Öfversättning*. Jemte en Öfversättning från ryskan. Af C. S. F. Helsingfors, 1824. S. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru